
Ночной
Эфир
18+

Лина Бронт
Ночной эфир

https://litres.ru/74924732
SelfPub; 2026

Аннотация

Она хранит чужие тайны в прямом эфире.

Он гоняет по ночам на чужой машине и засыпает только под её голос.

Днём они не выносят друг друга. Ночью между ними сто писем, три тысячи слушателей и хакер, который знает всё.

Он грозится раскрыть имена. Все. В прямом эфире.

Включая её.

Ночью она хранит чужие тайны. Днём не может сказать свою.

ХЭ, однотомник

Бесплатный

Добавляй в библиотеку чтобы не потерять

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Лина Бронт
Ночной эфир

Пролог

Четырнадцатое февраля. Три часа двенадцать минут ночи.

Красная лампочка горит сорок минут, и я впервые за всё время её ненавижу.

– …с вами «Полночь», – говорю я в микрофон, и голос не дрожит. Я горжусь этим. Это единственное, чем я сейчас могу гордиться.

На экране ноутбука открыто «Эхо». Белая страница больше не белая. По ней, строчка за строчкой, ползут имена. Не инициалы. Имена. Полные, с фамилиями, с факультетами, с номерами групп. Девушка, которая полгода врала подругам, что у неё всё было. Парень, который оставлял записки в библиотечных книгах. Кира. Каждое письмо, которое я читала вслух, каждый человек, которому я обещала: никаких имён.

В углу экрана мигает счётчик: «Эфир Полночи сейчас слушают 3 214 человек». А под ним новые правила, о которых нас предупреждали два месяца назад:

«Каждые пять минут молчания ведущей – новое имя».

Дана за стеклом плачет и бьёт по клавишам, пытаясь по-

ложить сайт. Глеб орёт в телефон на кого-то из айтишников. А я сижу. Руки на пульте. И смотрю, как появляется следующая строчка.

«Ночной поклонник ведущей. А. В.»

Буквы мигают. Раз. Другой. И раскрываются, как ладонь.

«Орфей – Артём Воронов».

Я перестаю слышать. Пульт, Дану, собственное сердце. Всё уходит под воду.

Орфей. Тот, кто полгода писал мне каждую ночь. Кто боялся тишины и спрашивал, чего я хочу на самом деле. Кому предложили купить маму.

Молоко с мёдом в кастрюльке с отбитой эмалью. Серебряная зажигалка с буквами «Н. В.». Первый снег в открытом окне и его «Надо?», на которое я наконец ответила.

Это был он. Всё это время это был он.

«Знал ли он, кому пишет? Знал ли, когда целовал меня на кухне? Когда я засыпала у него на плече, а он смотрел в потолок и молчал?»

За стеклом хлопает дверь.

Он стоит на пороге аппаратной. Без шапки, с расстёгнутой курткой, снег тает у него на плечах. Дышит так, будто бежал от самой общаги. Все пятьдесят две ступеньки. Он смотрит на меня через стекло, и я вижу его лицо. Не мажора, не Тихого с Промки. Лицо человека, который ждал этой секунды и боялся её больше всего на свете.

Его губы шевелятся. Я не слышу, но знаю, что он говорит.

«Вера».

На экране вспыхивает новая строчка. Не имя. Обращение. Ко мне.

«Полночь, ты можешь это остановить. Назови своё. У тебя 4:59».

4:58.

4:57.

Я кладу пальцы на фейдер микрофона. Он холодный.

Полгода назад я пообещала, что никогда не назову ни одного имени. Я тогда не знала, что первым будет моё.

Я наклоняюсь к микрофону.

– Меня зовут…

Глава 1

Вера.

У меня два голоса.

Одним я прошу в столовой компот без сахара, отвечаю на семинарах и извиняюсь, когда кто-то наступает мне на ногу. Он тихий, чуть выше, чем надо, и обычно его никто не слышит.

Другим я каждую пятницу, в три часа ночи, разговариваю с половиной университета о том, о чём они не решаются сказать даже подушке.

Этот второй голос знают все. Его обсуждают в курилках, пересказывают в чатах. А меня не знает никто. И я сделаю всё, чтобы так и осталось.

Пятьдесят две ступеньки. Столько от вахты старого корпуса до двери студии «Кампус FM». Я считаю их каждую пятницу, как считают овец перед сном. Лифт здесь не работает с позапрошлого года, лестница пахнет пылью, мокрой штукатуркой и почему-то яблоками. На последней площадке я останавливаюсь, натягиваю рукава свитера на ладони и выдыхаю.

На двери табличка: «Тихо. В эфире». Пока она не горит.

Внутри всё как всегда. Студия три на четыре метра, звукоизоляция в поролоновых пирамидках, старый пульт с фейдером, который заедает, если тянуть его слишком быстро. Ди-

ван, помнящий выпуск две тысячи десятого года. За стеклом аппаратной Дана: две косички, огромные наушники, банка энергетика у локтя. Она поднимает руку и показывает мне три пальца. Два. Один.

Красная лампочка.

Я закрываю глаза. Голос опускается на полтона сам. Он всегда знает, когда его очередь.

– Добрый вечер или доброй ночи, как вам больше нравится. С вами «Полночь», и я, как всегда, не назову ни одного имени.

Это правило я придумала в первую же ночь, полгода назад, когда подкаст был просто зачётной работой по радиожурналистике. Люди присылают на сайт сплетни и признания. Анонимно. Даже я не вижу, кто пишет. Кто с кем целовался на лестнице. Кто кого любит и не может сказать. Чего кто хочет и стыдится хотеть. Я читаю их вслух и отвечаю. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не называю имён.

За полгода «Полночь» из зачётной работы превратилась в ночной ритуал. А я из девочки, которая боялась собственного голоса, превратилась в двух девочек.

Передо мной на пульте лежит блокнот. Чёрный, в клетку, с загнутыми углами. В нём темы эфиров, обрывки фраз, ответы, которые приходят в голову в автобусе. Только работа. Ничего личного. Личное я давно не записываю. Однажды записала. Хватило.

– Начнём со сплетен, – говорю я, и в голосе появляется та

самая улыбка, которую мои слушатели, кажется, любят больше всего. – Пишут, что на четвёртом этаже библиотеки, между стеллажами с историей Средних веков, кто-то по вечерам очень увлечённо изучает анатомию. Вдвоём. Дорогие мои, я вас не осуждаю. Но там камера. Над Карлом Великим.

Дана за стеклом прыскает в кулак.

Дальше признания. Парень, который ни разу не говорил вслух, чего хочет в постели, и краснеет даже в мыслях. Пара, которая впервые завязала друг другу глаза и потом полночи молчала, потому что было слишком хорошо, чтобы портить словами.

Я отвечаю. Тепло, чуть дерзко, чуть шёпотом. Здесь, за пультом, я не краснею. Здесь я знаю, что сказать. Это как плавать: на суше ты неуклюжий, а в воде вдруг всё получается.

Утром я снова стану Верой Лисицыной с третьего курса журфака. В мешковатом свитере, с хвостом на макушке и хроническим недосыпом. Девочкой, которая краснеет, если в столовой при ней громко скажут слово «секс».

Но это утром.

Последнее письмо я всегда оставляю на конец. Как десерт, который стыдно хотеть.

– Орфей, – говорю я.

Он пишет каждую ночь. Уже два месяца. Я ни разу не видела его лица и не слышала голоса, но знаю, что пишет он только после полуночи, никогда не ставит смайликов и каж-

дое письмо заканчивает вопросом, на который я боюсь отвечать честно. В эфир я беру одно в неделю. Остальные читаю сама. Ночью. С фонариком телефона под одеялом, как школьница.

Не спрашивайте зачем. Я и сама не знаю.

– «Полночь, а чего ты хочешь на самом деле? Не для эфира. Для себя. Когда гаснет красная лампочка и тебя никто не слушает. Мне не нужен твой голос из эфира. Мне нужно знать, какой он утром, когда ты тотлько проснулась. Орфей».

Я молчу. Дольше, чем можно молчать в эфире. Дана за стеклом вопросительно поднимает брови.

– Утром, Орфей, я не разговариваю, – наконец говорю я. – Я хриплю. Так что тебе повезло, что ты этого не слышишь.

Тихий смешок в микрофон. Привычная броня. А потом я смотрю на красную лампочку, на тёмное окно, в котором отражаюсь я сама, маленькая, в огромных наушниках, и броня почему-то не держится.

– А чего я хочу… – Голос сам становится ниже. – Хочу, чтобы кто-то однажды услышал меня без наушников. Близко. Так близко, чтобы мне не нужно было прятаться за этим голосом.

По спине бегут мурашки. Это абсолютно глупо. Я одна в пустой студии. Он – буквы на экране.

– Спокойной ночи, – говорю я. – С вами была «Полночь».

Лампочка гаснет.

* * *

Домой я возвращаюсь в половине пятого. Город серый, сонный, пахнет мокрым асфальтом. Вахтёрша тётя Галя спит над кроссвордом, и я прохожу мимо на цыпочках, как каждую субботу.

На нашем этаже темно. Я иду по коридору, держа ботинки в руках, чтобы не стучать каблуками, и у двери соседнего блока замедляю шаг.

Там живёт Воронов.

Он въехал весной, и с тех пор наш этаж разделился на две части: те, кто считает, что сын попечителя университета в общаге – это романтично, и я. Я считаю, что это издевательство. Над теми, кому здесь жить больше негде. Ему есть где. У него, говорят, была квартира с панорамными окнами и машина, которую слышно за два квартала. А он приходит в нашу облезлую ванную в семь сорок утра и тратит всю горячую воду. Ходит так громко, что дребезжат кружки на полке.

Из-за его двери доносится голос.

Женский. Приглушённый, низкий, медленный. Слов не разобрать: стены у нас тонкие, но не настолько. Только интонация. Тёплая, неторопливая, с паузами, будто кто-то шепчет на ухо что-то очень личное.

В половине пятого утра.

Я стою посреди коридора с ботинками в руках и чувствую, как поднимается в груди что-то горячее и совершенно необъяснимое. Не ревность. Конечно, не ревность. С чего бы мне ревновать человека, с которым я за полгода не сказала и де-

сяти слов, не считая ругани из-за раковины и воды.

Просто это несправедливо. Кто-то в половине пятого утра лежит рядом с ним и говорит таким голосом. А я сижу одна в студии три на четыре и говорю таким же голосом в пустоту.

«Не твоё дело, Лисицына. Иди спать».

Я иду. Ложусь не раздеваясь. Смотрю в потолок.

За стеной женский голос всё говорит и говорит. Тихо, мягко, почти колыбельно. И почему-то, сама не понимая почему, я засыпаю под него.Артем. Последние две недели моя жизнь напоминает плохой детектив, в котором я одновременно следователь, подозреваемый и единственный свидетель.

Семь сорок утра. Стою у окна в нашем блоке и пью кофе, по вкусу похожий на жжёную подошву. В одном ухе наушник - привычка, от которой уже не избавиться. Вчерашний эфир всё ещё звучит в голове.

«Хочу, чтобы кто-то услышал меня без наушников. Близко».

Эта фраза звучит у меня в голове уже восьмой час подряд, даже когда я молчу. Идиот. Зачем я вообще спросил, чего она хочет?

Телефон вибрирует. На экране - «Тим». Мой младший брат. Девятнадцать лет, первый курс, и такое чувство, что он несёт на плечах весь мир.

- Говори, - отвечаю я.

- Они выложили, - голос у него сорванный. - Артём, там

заголовок моего письма. Про неё. И внизу уже стоит «Т.». Комментариев почти сто пятьдесят. Если дойдёт до двухсот…

- Стоп. Ты где?

- В комнате. Никуда не пойду. Все уже читали.

- Я приеду после пар. Не отвечай никому, понял?

- Понял, - злится он и сбрасывает звонок.

Сжимаю телефон так, что пластик трещит. Три недели назад Тим отправил в «Полночь» анонимное письмо. О человеке, в которого он влюблён и о котором нельзя говорить вслух. О ночах, когда они видятся украдкой, как воры. О страхе, что отец узнает и устроит из этого публичный скандал. Тим не рассказал мне даже, кто она. А пять дней назад аккаунт «Эхо» начал выкладывать заголовки всех сплетен из эфира и подписывать их инициалами отправителей. Правила простые и мерзкие: каждую неделю открывается ещё одна буква, а пост, набравший двести комментариев, получает имя сразу. Весь универ теперь считает комментарии, как обратный отсчёт.

Кто-то сливает данные отправителей. И я намерен выяснить, кто.

Именно поэтому я слушаю эфир каждую ночь. И пишу туда под ником «Орфей». Правда, о причине моего ночного хобби не знает никто. Даже человек с хрипловатым голосом по ту сторону микрофона.

Она не должна ничего знать. Пока не должна.

Выхожу из комнаты и сталкиваюсь в коридоре с кем-то. Точнее, с чем-то. Рыжий хвост на макушке, пижама с лисами, кружка размером с ведро и взгляд, которым можно резать стекло.

- Ты опять использовал всю горячую воду, мажор, - вместо «доброго утра» сообщает мне моя соседка по этажу.

- Доброе утро, Лисицына. Я бы с радостью поделился, но ты ведь сама говорила, что тебе не нужны подачки от «золотой молодёжи».

- Мне нужна горячая вода. - Она щурится и делает глоток из кружки. - И чтобы ты перестал так громко ходить по утрам.

- Я хожу тихо.

- Ты ходишь как конь.

- Как красивый конь, - подмигиваю.

- Как конь с манией величия, - парирует она.

Её голос сегодня хриплый, будто она полночи провела без сна. Я ловлю себя на мысли, что где-то уже слышал этот тембр. Но где? Не могу вспомнить. Усталость делает со мной странные вещи.

Вера Лисицына учится на журфаке и ненавидит меня с первого дня. Не знаю, чем я заслужил такую честь. Возможно, тем, что мой отец - попечитель университета, а я живу в общежитии назло ему. Для неё это слишком странно, чтобы быть правдой, и слишком красиво, чтобы не презирать.

- Не пропадай, Лиса, - бросаю я, проходя мимо.

- Пока, конь.

Уже на лестнице чувствую, как губы сами растягиваются в улыбке. Дурацкая привычка. Мне нравится, когда она злится. Глаза вспыхивают, как у кошки, которой наступили на хвост.

В кармане снова вибрирует телефон. Сообщение с неизвестного номера.

«Новый пост на «Эхо». Тебе стоит посмотреть. Это про тебя».

Открываю ссылку. В глазах темнеет.

На экране - заголовок жирным шрифтом: «Ночной поклонник ведущей: «Мне нужно знать, какой у тебя голос утром»». Под ним моё письмо слово в слово. И подпись, от которой холодеют пальцы: «А.».

Одна буква. Пока одна. Но счётчик под постом уже показывает восемьдесят семь комментариев и растёт на глазах. Не то чтобы я боялся если мое имя раскроется, но я даже понятия не имею, кто сидит на том конце провода. Точнее микрофона, подумает, что я ее фанат и вправду. А парень из «золотой молодежи» не может пасть так низко. Еще отец только и ждет когда я оступлюсь.

Медленно поднимаю голову и оглядываю пустой коридор.

Это значит одно: у «Эха» есть мои данные. Через неделю к «А.» добавится вторая буква, а если пост наберёт двести комментариев, имя появится сразу. И я не имею ни малейшего понятия, кто за мной наблюдает.

Глава 2

Артем.

Я засыпаю под голос женщины, которую никогда не видел.

Звучит как начало плохой песни. На деле это просто способ дожить до утра.

В семь сорок я открываю глаза. Наушник выпал из уха и лежит на подушке, в нём всё ещё бормочет запись. Старый выпуск «Полночи», мартовский. Я его знаю почти наизусть. Знаю, где она смеётся, где делает паузу, где голос у неё садится на полтона, потому что письмо задело её саму.

Сплю я по три часа. С этим ничего не поделать, я пробовал. Таблетки, бег, книги, ром. Работает только она.

«Ты слушаешь её из-за Тима, Воронов. Только из-за Тима».

Щелчок. Огонёк. Щелчок. Темнота.

Зажигалка лежала у меня в ладони всю ночь. Серебряная, тяжёлая, с потёртой гравировкой. Я не курю. Я не помню, когда достал её из кармана. Так бывает каждую ночь.

Кофе в нашем блоке на вкус как жжёная подошва. Я пью его у окна. Внизу под окнами общаги стоит белая машина Марка, низкая, широкая, поперёк двух парковочных мест. Марк вчера пригнал её и бросил: «Пусть у тебя постоит. На случай, если передумаешь». Я не передумал. Пока.

Телефон вибрирует. В чате, который Марк когда-то на-

звал «Золотой состав» и с тех пор отказывается переименовать, сообщение от него: «Тихий, ты жив?» Я ставлю лайк. Это значит «жив». Ни на что большее я до девяти утра не способен.

Следом звонит Тим.

– Говори.

– Он набирает, – голос у брата сорванный, как будто он не спал всю ночь. Скорее всего, не спал. – Артём, сто пятьдесят комментариев. Сто пятьдесят. Ещё пятьдесят – и всё.

– Не открывай его.

– Я не могу не открывать!

– Тим. Выключи телефон. Ляг. Я приеду после пар.

– А если…

– Приеду. Слышишь?

Он рычит в трубку и сбрасывает.

Я смотрю на погасший экран и чувствую, как челюсть сводит так, что ноют зубы.

Три недели назад мой младший брат отправил в «Полночь» анонимное письмо. Про человека, которого любит и о котором нельзя говорить вслух. Про то, как они видятся по ночам, как воры. Про страх, что отец узнает. Мне Тим даже не сказал, кто она.

А в понедельник появилось «Эхо». Аккаунт без лица и имени. Он взламывает базу «Полночи» и выкладывает заголовки сплетен, а под ними инициалы тех, кто их прислал. Правила простые и мерзкие. Каждую неделю у инициалов

открывается ещё одна буква. А если пост набирает двести комментариев, имя появляется сразу. Целиком.

Первым «Эхо» выложило письмо Тима. «Первокурсник тайно влюблён: «Мы видимся только ночью, как воры». Т.»

Весь университет теперь считает комментарии, как обратный отсчёт.

Я найду того, кто это делает. Поэтому я и слушаю её каждую ночь. Поэтому пишу ей. Чтобы быть ближе к эфиру. Чтобы понять, откуда течёт.

«Конечно, Воронов. Поэтому ты и пишешь ей уже два месяца, хотя «Эхо» появилось в понедельник».

Я допиваю кофе залпом. Подошва так подошва.

* * *

В ванной кто-то есть.

Я понимаю это по звуку: вода шумит, а потом резко затихает, и раздаётся короткое злое шипение. Дверь распахивается.

На пороге стоит Лисицына. Пижама с лисами, рыжий хвост на макушке, съехавший набок. Огромная кружка с отколотой ручкой, которую она держит двумя руками. Рукава пижамы натянуты на ладони, видны только кончики пальцев. И взгляд, которым можно резать стекло.

Я никогда не смотрю на неё дольше секунды. Это у нас что-то вроде негласного договора: она не смотрит на меня, я не смотрю на неё, и так мы полгода живём на одном этаже, не убив друг друга.

– Ты опять использовал всю горячую воду, мажор, – сообщает она вместо «доброго утра».

– Доброе утро, Лисицына. Я бы с радостью поделился, но ты сама говорила, что тебе не нужны подачки от золотой молодёжи.

– Мне нужна горячая вода.

– Это и есть подачка.

– Это коммунальная услуга, за которую я плачу, – цедит она и делает глоток из кружки. – В отличие от некоторых.

Это неправда. Я плачу за эту комнату сам, с того дня, как отец сказал, что я приползу через месяц. Но объяснять это Лисицыной примерно то же самое, что объяснять это кирпичной стене.

– Ещё что-нибудь? – спрашиваю я.

– Да. – Она прищуривается. – Скажи своей подруге, чтобы в половине пятого утра говорила потише. Стены тонкие.

Я замираю.

– Какой подруге?

– Той, что всю ночь шептала тебе на ухо. Очень трогательно. Только некоторые здесь пытаются спать.

Внутри у меня что-то обрывается и тут же становится смешно до икоты. Она слышала. Через стену. Не слова, конечно. Голос.

Я не могу ей сказать, что это за голос. Это всё равно что признаться, что я каждую ночь засыпаю под ведущую студенческого подкаста, как ребёнок под сказку. Лисицына бу-

дет смеяться до диплома.

– Это сериал, – говорю я.

– Конечно.

– Правда.

– В половине пятого. Шёпотом. – Она усмехается. – Какой-то очень специальный сериал.

– Лисицына, ты ревнуешь?

Я говорю это просто чтобы её разозлить. Это работает всегда. Но сейчас она вдруг не отвечает сразу. Моргает. И у неё краснеют уши. Сначала мочки, потом всё ухо, до самых кончиков, под рыжими прядками, выбившимися из хвоста.

Я впервые за полгода вижу, как Лисицына краснеет. И почему-то не могу отвести взгляд.

– Я хочу спать, – говорит она наконец. Голос у неё хриплый, сорванный, будто она полночи не спала, а говорила. Что-то в этом тембре царапает меня, как заусенец. Где-то я его уже слышал. Не могу вспомнить где. – Только и всего. Спать. Тебе такое, наверное, незнакомо.

Она протискивается мимо меня, задевая плечом. От неё пахнет кофе и чем-то яблочным. Дверь её комнаты захлопывается так, что дребезжат кружки на полке.

Я стою в коридоре и улыбаюсь как идиот. Совершенно не понимая почему.

Телефон снова вибрирует. Неизвестный номер.

«Новый пост на «Эхе». Тебе стоит посмотреть. Это про тебя».

Я открываю ссылку. И улыбка сползает с лица сама.

Заголовок жирным: «Ночной поклонник ведущей: Мне нужно знать, какой у тебя голос утром». Под ним моё письмо. Слово в слово. Вчерашнее. Которое она прочитала в эфире пять часов назад.

И подпись, от которой холодеют пальцы: «А.».

Одна буква. Пока одна. Счётчик под постом: восемьдесят семь комментариев.

Восемьдесят восемь.

Я медленно поднимаю голову и оглядываю пустой коридор. Кто-то знает, что Орфей – это я. Кто-то, у кого есть мой номер.

А за тонкой стеной, в двух метрах от меня, рыжая девушка, которая ненавидит меня полгода, ложится обратно в постель и, кажется, впервые за всё это время думает обо мне дольше секунды.

Я ещё не знаю, что думаю о ней точно так же.

Глава 3

Вера.

– Лисицына! Открывай! Это вопрос жизни и смерти! Ну, вернее, подкаста, но для меня это одно и то же!

Дана. Конечно, Дана. Только человек, у которого в сумке всегда лежат запасные батарейки, отвёртка и энергетик, может будить людей в восемь утра с такой радостью.

Я открываю дверь, не открывая глаз. В комнату влетает сквозняк с косичками. Дана Мирзоева, звукорежиссёр «Кампус FM», моя лучшая подруга и человек, который однажды починил микшерный пульт заколкой для волос. До сих пор не знаю как.

– Ты видела?

– Я вижу, что ещё ночь.

– Вера. Уже утро. Смотри.

Она тычет мне в лицо телефоном. «Эхо». Белый фон, чёрные заголовки, мелкие инициалы. И новый пост, выложенный полчаса назад.

Я узнаю слова раньше, чем дочитываю. «Мне нужно знать, какой у тебя голос утром».

Сон слетает с меня, как одеяло. Я сажусь на кровати, хватаю телефон и перечитываю. Ещё раз. И ещё. Щёки горят так, будто эту строчку прочитали не в сети, а прямо у меня над ухом.

– Это его письмо, – хриплю я. – Вчерашнее. Оно ещё даже в архив не ушло.

– Вот именно. – Дана плюхается на край кровати. – Кто-то залезает прямо в базу. В реальном времени.

Я листаю комментарии. Сто два. Сто три.

«Кто этот А.???»

«Девочки, я составляю таблицу. Кидайте всех А. с нашего потока»

«А вы слышали, как она ему ответила? Хочу, чтобы кто-то услышал меня без наушников. Близко. Она в него влюблена, это сто процентов»

– Я не влюблена, – зачем-то говорю я вслух.

– Я ничего не говорила.

– Ты подумала.

– Я подумала, что голос у тебя был очень… – Дана подбирает слово, – тёплый.

– Простуженный.

– Угу. Простуженно-тёплый.

Я закрываю лицо руками. Но дело не в том, что думают сто три незнакомых человека. Дело в фразе, которую я повторяю в начале каждого эфира. «Я не назову ни одного имени». Полгода я говорю её каждую пятницу. И только сейчас, сидя в пижаме с лисами, понимаю, что это было обещание. И я его не сдержала.

– Мы найдём того, кто это делает, – говорит Дана уже серьёзно. Она умеет переключаться из режима «вихрь» в ре-

жим «инженер» за секунду. – Но сначала завтрак. Я не умею ловить хакеров на голодный желудок.

* * *

Пары в субботу у меня одни: теория медиа, лекционная аудитория на сто двадцать человек и преподаватель, который читает нам по бумажке и искренне уверен, что мы записываем. Мы не записываем. Мы листаем «Эхо».

Весь поток. Я сижу на последнем ряду и слышу шёпот со всех сторон. Две первокурсницы впереди обсуждают, не Орфей ли тот высокий парень с физмата, который вчера опоздал на пару. Сбоку кто-то с жаром доказывает, что «Эхо» ведёт сама Полночь. Ради хайпа.

Я давлюсь кофе.

Ради хайпа. Я. Которая полгода сидит под псевдонимом и не захожу на сайт с собственного ноутбука в общаге, чтобы, не дай бог, никто не увидел вкладку.

Телефон вибрирует. Уведомление с сайта «Полночи»: новое письмо. Обычно утром я их не читаю. Но пальцы сами тянутся к экрану.

Тема пустая. Отправитель анонимный. Одна строчка.

«Полночь, мы знаем, кто ты. Береги голос: скоро он перестанет быть анонимным».

Дыхание застревает где-то между рёбрами.

Я медленно поднимаю голову. Сто двадцать человек. Сто двадцать затылков. И мне вдруг кажется, что один из них, не оборачиваясь, смотрит прямо на меня.

Мне пятнадцать. Я стою у доски, а за спиной смех, и Катя Сомова читает вслух моим почерком: «Он поправляет чёлку, и у меня внутри…» Уши горят так, что, кажется, сейчас вспыхнут.

Я моргаю. Аудитория. Лекция. Двадцать один год.

Я натягиваю рукава свитера на ладони так сильно, что трещат нитки.

* * *

– Итак, – Дана раскладывает на столике в столовой салфетку и пишет на ней ручкой три имени, – доступ к базе отправителей есть у троих. Ты, я и Глеб.

– Я никогда не открывала список отправителей.

– Я тоже. Значит, Глеб.

– Глеб не может. Он плакал на чужом выпускном, когда играло «Прекрасное далёко».

– Именно так и выглядит идеальный злодей. – Дана важно стучит ручкой по салфетке. Глеб Соболев, староста радио, в носках с Чебурашкой и с вечной вмятиной от подушки на щеке. – Нужны логи. Но они у него на сервере. Вечером зайду к нему с пиццей и посмотрю.

– То есть ты собираешься обыскать человека, которого мы подозреваем, чтобы доказать, что он обыскивал других?

– Я собираюсь накормить человека пиццей. А если он отвернётся… – Дана пожимает плечами. – Для науки.

Я смеюсь. Впервые за утро.

– Не занято?

Рядом с грохотом опускается поднос.

Я поднимаю глаза. Воронов.

Он садится напротив раньше, чем я успеваю сказать, что занято. Дана рядом со мной издаёт звук, похожий на сдавленный писк, бормочет что-то про «срочно забыла в библиотеке», хватает свою салфетку с именами и исчезает. Предательница.

Я не смотрю на Воронова. Почти. Я никогда не смотрю на него дольше секунды, и сейчас тоже смотрю урывками, как на солнце: взгляд – и в тарелку, взгляд – и в тарелку.

Но даже урывками видно, что он выглядит плохо. Не в смысле некрасиво. Красивый, что это даже раздражает, как раздражает несправедливость: высокий, тёмноволосый, с резкими скулами и тем особенным спокойствием в движениях, какое бывает у людей, которых с детства никто никуда не торопил. Но сейчас под глазами у него тени, как у человека, который давно нормально не спит. Куртка дорогая, кожаная, но старая, протёртая на локтях. А на левом запястье полоска светлой кожи. Там, где раньше были часы.

Сын попечителя университета. Без часов. Я почему-то не могу перестать смотреть на эту полоску.

– Слушай, Лисицына, – он ковыряет вилкой макароны и не смотрит на меня, – ты ведь на журфаке. Наверняка знаешь, как устроено ваше радио.

Моя вилка замирает над тарелкой.

– В каком смысле «устроено»?

– Кто там главный. Кто чем занимается. Я думаю записать подкаст. Про спорт.

– Ты? Подкаст?

– У меня приятный голос.

– У тебя голос человека, который вслух читает инструкцию к пылесосу.

– Значит, ты слушала мой голос достаточно долго, чтобы сделать выводы.

Я открываю рот и закрываю. Он поднимает глаза, и в уголке его рта появляется что-то похожее на улыбку. Короткую, кривую, тут же исчезающую. Мне вдруг становится жарко, и это точно не от компота.

«Утром он спросил, не ревную ли я. И у тебя покраснели уши. Он видел. Он запомнил. И теперь сидит и наслаждается».

Он задаёт вопросы. Слишком много. Кто администрирует сайт. У кого есть ключи от студии. Работает ли она по ночам.

По ночам.

– Зачем тебе это? – Я прищуриваюсь.

– Любопытство.

Он врёт. Я это слышу. Я полгода слушаю, как люди врут в письмах, и научилась различать ложь по ритму. У него ритм ровный, слишком ровный, как у человека, который заранее отрепетировал ответ. Но что именно он прячет, я понять не могу. И это бесит. Обычно я читаю людей, как письма. А его не могу прочитать совсем.

– Подкаст про спорт, – повторяю я медленно. – Ладно. Я скажу Глебу.

– Спасибо.

– Не за что. Я делаю это не для тебя. Я делаю это, чтобы ты перестал задавать вопросы и дал мне доесть.

Он смеётся. Тихо, одними плечами. И встаёт, забирая поднос.

– Приятного аппетита, Лисицына. – Он уже уходит, но на полпути оборачивается. – Кстати. Ты права. Это был не сериал.

И уходит, не объясняя.

Я сижу над остывшими блинчиками и чувствую себя так, будто мне только что ответили на вопрос, которого я не задавала. И от ответа стало только хуже.

* * *

Вечером я принимаю решение.

«Полночь» выходит раз в неделю, по пятницам. Полгода я ни разу не нарушала расписание. Но сегодня суббота, и весь университет боится открыть телефон, а под постом «А.» уже сто сорок комментариев. Я не могу ждать неделю, пока люди боятся.

Глеб отвечает в чате через минуту: «Внеочередной? Ок. Ключ у тебя есть». Дана присылает три восклицательных знака и смайлик с микрофоном.

В половине второго ночи я поднимаюсь по лестнице старого корпуса. На улице дождь, я промокла насквозь, пока

бежала от общаги, и волосы липнут к щекам. Тридцать. Сорок. Пятьдесят.

Пятьдесят две.

Я открываю дверь студии. Сажусь за пульт. Надеваю наушники. Дана за стеклом поднимает руку.

Три. Два. Один.

Красная лампочка загорается в темноте, как спичка.

Я не знаю, что скажу. Не знаю, слушает ли он. Не знаю, напишет ли он после того, как его самые личные слова увидел весь университет.

Я знаю только, что сегодня ночью буду ждать одного письма.Вера. - Итак, - Дана раскладывает на столе три листа бумаги, ручки разных цветов и свой ноутбук, - у нас три человека с админским доступом к серверу «Полночи», а значит, к данным отправителей. Ты, я и Глеб.

Мы сидим в крошечной студии «Кампус FM»: звукоизоляция, одно окно, диван, который помнит ещё выпуск две тысячи десятого года. Здесь пахнет старыми проводами и растворимым кофе. Мой любимый запах в мире.

- Я никогда не открывала список отправителей, - на всякий случай говорю я.

- Я знаю. Я тоже не открывала. Значит, остаётся Глеб.

- Глеб слишком ленивый, чтобы красть чужие секреты. Он даже расписание эфиров не может обновить без напоминаний.

- Именно так и действует хороший злодей, - важно отве-

чает Дана. - Изображает лень, пока ты не смотришь.

Глеб Соболев, староста радио, третьекурсник с вечным недосыпом и привычкой носить носки с Чебурашкой. Я знаю его два года. Он плакал на чужом выпускном, потому что играла «Прекрасное далёко». Не верится.

- Нужны логи, - Дана стучит по клавишам. - Но они лежат на сервере, а доступ к серверу у Глеба. Придётся действовать аккуратно.

- То есть красть у человека, которого мы подозреваем, чтобы доказать, что он крал?

- Мы не крадём. Мы заимствуем. Для науки.

Я смеюсь. Впервые за день по-настоящему. Дана вообще умеет вытаскивать меня из любой дыры, даже когда сама сидит рядом в этой же дыре.

Мы договариваемся, что вечером Дана «случайно» зайдёт к Глебу с пиццей и попробует выяснить, что он вчера делал на сайте. План гениален в своей простоте и ужасен в исполнении. Но других идей нет.

В столовой я беру компот и блинчики, потому что стресс требует углеводов. Только сажусь за дальний стол у окна, как рядом с грохотом опускается поднос.

- Не занято? - спрашивает очень знакомый голос.

Поднимаю глаза. Артём. С подносом. И с таким выражением лица, будто нашёл у меня в тарелке что-то интересное.

- Свободно было десять секунд назад, - отвечаю я. - Теперь занято твоим эго.

- Я его оставил в блоке. Сегодня только скромность и макароны.

- Скромность тебе не идёт.

- Зато макароны хорошо смотрятся.

Он садится напротив, и мне приходится признать (мысленно, шёпотом и только для вас), что с этой стороны стола вид гораздо приятнее, чем я рассчитывала. Тёмные волосы чуть растрёпаны, под глазами тени, как у человека, который тоже плохо спал. Рукава рубашки закатаны, и я упрямо смотрю на блинчик, а не на его предплечья.

Блинчик, между прочим, ни в чём не виноват.

- Слушай, Лисицына, - Артём делает вид, что увлечённо ковыряет вилкой макароны. - Ты же на журфаке. Наверняка в курсе, как всё устроено в этом вашем радио.

Моя вилка замирает в воздухе.

- В каком смысле «устроено»?

- Ну, кто там главный, кто чем занимается. Я думаю, записать свой подкаст. Про спорт.

- Ты? Подкаст? Про спорт?

- У меня приятный голос.

- У тебя голос человека, который читает инструкцию к пылесосу.

- Ты слишком много слушаешь пылесосы.

Мы смотрим друг на друга. Он улыбается уголком рта, и мне вдруг становится жарко. Это точно не от компота.

Но странность не уходит. Он слишком старательно делает

вид, что ему всё равно. Слишком внимательно слушает ответы. Спрашивает, кто занимается сайтом, у кого есть ключи от студии, работает ли она по ночам.

По ночам.

- Зачем тебе это? - прищуриваюсь я.

- Любопытство, - легко отвечает он.

И я ему не верю. Но не могу понять, что именно он скрывает. Это бесит. Вообще-то я неплохо читаю людей. А его не читаю совсем.

Вечером мне уже не до загадок. Внеочередной эфир, впервые за полгода не в пятницу. Я не могу ждать неделю, пока люди боятся. Красная лампочка. Наушники.

- Добрый вечер или доброй ночи. С вами «Полночь».

Сегодня я читаю письма медленно и осторожно, будто они стеклянные. Но темы у моей аудитории, как всегда, не для чопорных.

Первое письмо от парня с третьего курса: «Мне двадцать два, и я ни разу не говорил вслух, чего хочу в постели. Краснею даже в мыслях. Это нормально?» Я улыбаюсь в микрофон, и голос опускается на привычные полтона.

- Нормально, - говорю я. - Знаешь, что самое откровенное в твоём письме? Не слова, а то, что ты написал его в три часа ночи. Скажи вслух хотя бы одну вещь тому, кому доверяешь. Не обязательно самую смелую. Пусть будет самая честная.

Второе: девушка влюблена в соседа по комнате и каждый вечер делает вид, что не замечает его. Третье: пара, которая

впервые завязала друг другу глаза, а потом оба полночи молчали, потому что было слишком хорошо. Четвёртое: как первокурсницы готовы на все за углом нашего кампуса, чтобы попасть в привилегированную стайку золотой молодежи.

Я отвечаю тепло, чуть дерзко и чуть хитро, так, как умею только здесь, в этой душной студии. И каждый раз ловлю себя на мысли, что завтра утром снова стану скромной Верой в мешковатом свитере, которая краснеет от слова «поцелуй». Но после сегодняшнего поста каждое слово в эфире кажется мне ответственностью.

Самые громкие сплетни я откладываю в сторону. Те, что гарантированно соберут двести комментариев. И ненавижу себя за это: получается, что я решаю, чьи секреты безопаснее.

Я жду одного письма. Не признаюсь, даже себе.

Три часа ночи. Четыре. Пять минут пятого. Тишина. Ящик пуст.

Орфей не пишет.

Я зачем-то обновляю страницу ещё раз. И ещё. Потом ловлю себя на том, что кусаю ноготь, и мне становится смешно и страшно одновременно. Как будто я жду человека, которого никогда не видела, и волнуюсь за него сильнее, чем за зачёт.

Возвращаться из студии в четыре утра — отдельный вид удовольствия. В коридорах гулко, как в пустом соборе. Иду в общагу пешком, мимо спящей вахтёрши, и только перед своей дверью замечаю: на нашем этаже кто-то не спит.

Под дверью соседнего блока горит полоска света.

Конечно. Кто ещё может не спать в четыре утра, кроме человека, который ходит как конь.

Я стою секунду, две, три. Рука почему-то тянется постучать. Потом одёргивается. Какая глупость. Мне просто почудилось, что за дверью кто-то ходит из угла в угол, как человек, которого что-то грызёт изнутри. Позже я вспомню эту минуту и подумаю, что именно тогда нужно было постучать.

Глава 4

Артем.

Пары заканчиваются в два, и ровно в 14:07 я уже стою перед дверью Тима. Не помню, как добрался: кажется, половину дороги бежал.

Тим живёт в соседнем корпусе общаги, на третьем этаже, в комнате на двоих. Сосед почти не появляется, потому что ночует у девчонки с юрфака, так что комната фактически принадлежит брату: кровать, стол, два монитора, провода, как лианы в джунглях, и энергетики. Много энергетиков. Я насчитываю одиннадцать банок и перестаю считать, чтобы не расстраиваться.

- Живой? - спрашиваю с порога.

- Условно, - отвечает Тим из-за ноутбука.

Девятнадцать лет, а выглядит так, будто ему сорок и он только что узнал про налоги. Волосы торчат, под глазами синяки, футболка надета наизнанку. Когда он видит меня, крышка ноутбука захлопывается так быстро, что я успеваю заметить только чёрный экран с зелёными строчками.

- Курсовая? - киваю на ноутбук.

- Ага. По программированию. Ничего интересного.

Он врёт. Я знаю это так же точно, как знаю, что у него дрожат пальцы, когда он врёт. Но давить не буду. Тим как кот: надавишь, и сбежит под кровать.

Достаю из рюкзака контейнер. Еда - единственное, на чём держится дипломатия между мной и младшим братом.

- Ешь.

- Не хочу.

- Тим.

- Артём.

- Там котлеты. Мамины, из морозилки. Я стащил их в прошлые выходные.

Он коротко фыркает, берёт вилку и ковыряет котлету. Хороший знак. Пока он жуёт, я стараюсь не думать, что за две недели его комната превратилась в бункер: шторы задёрнуты, свет выключен, а на подоконнике стоит нетронутая кружка с давно остывшим чаем.

- Покажи, - прошу я.

Он понимает без объяснений. Достаёт телефон и открывает «Эхо»: белый фон, чёрные заголовки. И среди них мой брат в виде одной строчки: «Первокурсник тайно влюблён в того, кого нельзя. Что стоит на кону у преподавателя с факультета…..: «Мы видимся только ночью, как воры». Т.»

Одна буква. Под ней счётчик: сто семьдесят три комментария.

- Двести - это когда имя, да? - тихо спрашивает Тим.

- Да.

- Это не случится. Это же…

- Эй. - Я забираю у него телефон. - Давай я почитаю тебе комментарии. Вслух.

- Зачем?

- Чтобы ты увидел, что это просто люди. Скучающие люди с клавиатурами.

Листаю. «Т.? Наверняка Тимур с физмата!» «Нет, Тимофей с архитектуры, он вчера странно себя вёл». «А я думаю, Тарас с третьего курса». «Девчонки, а кто она? Ставлю на преподавательницу, ха-ха».

Последнее заставляет Тима дёрнуться, и я, конечно, это замечаю.

- Ха-ха, - глухо повторяет он. - Смешно.

- Тим.

- Что?

- Кто она?

- Не скажу.

- Я её знаю?

- Нет. И не узнаешь. - Он поднимает глаза, и мне становится не по себе: в них такая тоска, какой не должно быть у человека, который только начал жить. - Если её имя всплывёт, её могут уволить, Артём.

- Уволить?

- Я имею в виду… она подрабатывает. В кафе. Ей важно, чтобы никто… — Он замолкает и сжимает кулаки. - Я не хочу об этом говорить.

Я киваю. «Подрабатывает в кафе». Что-то в этой фразе царапает, как неровно приклеенный стикер, но я не успеваю понять что: на экране телефона высвечивается «Папа».

Мы с Тимом вздрагиваем одновременно.

- Артём, - без приветствия говорит отец, - мне звонил ректор. Университет гудит уже вторую неделю. Кто-то выкладывает в сеть чужие секреты, и среди этих людей могут оказаться дети тех, кто финансирует этот вуз. Если среди них окажется кто-то из нашей семьи…

- Я разбираюсь.

- Не на словах.

- Я разбираюсь, — повторяю я жёстче.

Короткие гудки. Отец никогда не прощается. Говорит, что это пустая трата времени.

Тим смотрит на меня. Он слышал каждое слово: в комнате слишком тихо. Лицо у него бледное, как простыня.

- Он знает про письмо?

- Нет. И не узнает.

- А если…

- Не узнает, Тим.

Он кивает. Я встаю, треплю его по макушке, как в детстве, и уже у двери слышу:

- Артём. А у тебя всё нормально? Тебе никто ничего… не писал?

Я оборачиваюсь. Тим не смотрит на меня. Он смотрит в телефон, который держит двумя руками, будто тот обжигает.

- Нет. А что?

- Просто. Спрашиваю.

Какой неловкий, измученный вопрос. Я бы надавил, если

бы не тот взгляд.

Выхожу в коридор, и телефон снова вибрирует. Сообщение с того же неизвестного номера, который утром предупредил меня про «Эхо». Всего пять слов:

«Не ищи. Сделаешь только хуже».

Перечитываю их раз пять и усмехаюсь. Кто-то очень не хочет, чтобы я копал. Значит, я копаю в правильном месте.

Тим живёт в соседнем корпусе, в комнате на двоих. Сосед почти не появляется, ночует у девчонки с юрфака, так что комната фактически принадлежит брату. Кровать, стол, два монитора, провода, как лианы в джунглях. И энергетики. Я насчитываю одиннадцать банок и перестаю считать, чтобы не расстраиваться.

– Живой? – спрашиваю с порога.

– Условно, – отвечает Тим из-за ноутбука.

Девятнадцать лет, а выглядит так, будто ему сорок и он только что узнал про налоги. Волосы торчат, под глазами синяки, футболка надета наизнанку. Когда он видит меня, крышка ноутбука захлопывается так быстро, что я успеваю заметить только чёрный экран с зелёными строчками.

– Курсовая? – киваю на ноутбук.

– Ага. По программированию.

Он врёт. Я знаю это так же точно, как знаю, что у него дрожат пальцы, когда он врёт. Но давить не буду. Тим как кот: надавишь, и сбежит под кровать.

Я достаю из рюкзака контейнер.

– Ешь.

– Не хочу.

– Тим. Там котлеты. Ларисы.

Он вздрагивает. Поднимает на меня глаза.

– Откуда?

– Из морозилки. Домработница делает их для нас пока отца нет дома. Я забрал в прошлые выходные, когда заезжал за документами.

Тим берёт вилку. Ковыряет. Ест. Хороший знак. Пока он жуёт, я стараюсь не думать о том, что за неделю его комната превратилась в бункер. Шторы задёрнуты, свет выключен, на подоконнике кружка с давно остывшим чаем.

– Покажи, – прошу я.

Он понимает без объяснений. Открывает «Эхо». «Первокурсник тайно влюблён: «Мы видимся только ночью, как воры». Т.»

Сто семьдесят три комментария.

– Двести – это когда имя, да? – тихо спрашивает Тим.

– Да.

– А если…

– Эй. – Я забираю у него телефон. – Давай я тебе почитаю. Вслух.

– Зачем?

– Чтобы ты увидел, что это просто люди. Скучающие люди с клавиатурами.

Я листаю. «Т.? Тимур с физмата!» «Нет, Тимофей с архи-

тектуры, он вчера странно себя вёл». «А я думаю, Тарас с третьего курса». «Девочки, а кто ОНА? Ставлю на преподавательницу, ха-ха».

Тим дёргается так, будто его ударили током.

– Ха-ха, – глухо повторяет он. – Смешно.

– Тим. Кто она?

– Не скажу.

– Я её знаю?

– Нет. И не узнаешь. – Он поднимает глаза, и мне становится не по себе. В них такая тоска, какой не бывает у людей, которые только начали жить. –Если её имя всплывёт, её могут уволить.

– Уволить?

– Она… подрабатывает. В кафе. Ей важно, чтобы никто… – Он замолкает. Сжимает кулаки. – Я не хочу об этом говорить.

«Подрабатывает в кафе». Что-то в этой фразе царапает, как неровно приклеенный стикер. Но я не успеваю понять что. На экране высвечивается «Отец».

Мы с Тимом вздрагиваем одновременно. Как в детстве, когда в замке поворачивался ключ.

– Артём, – без приветствия говорит отец. – Мне звонил ректор. Университет гудит. Кто-то выкладывает в сеть чужие секреты, и среди этих людей могут оказаться дети тех, кто финансирует этот вуз. Если среди них окажется кто-то из нашей семьи…

– Я разбираюсь.

– Ты? – Короткая пауза, в которую помещается всё его презрение. – Ты полгода разбираешься со своей жизнью. Как успехи? Ещё не надоело мыться в общей душевой?

– Это всё?

– Нет. Ты знаешь, где твой дом. Двери открыты. Пока открыты.

Короткие гудки. Отец никогда не прощается. Говорит, что это пустая трата времени.

Тим смотрит на меня. Лицо бледное, как простыня.

– Он знает про письмо?

– Нет. И не узнает.

– Артём, а если…

– Не узнает, Тим.

Я встаю, треплю его по макушке, как в детстве. Он не уворачивается. Это пугает больше всего.

Уже у двери слышу:

– Артём. А у тебя всё нормально? Тебе никто ничего… не писал?

Я оборачиваюсь. Тим не смотрит на меня. Он смотрит в телефон, который держит двумя руками, будто тот обжигает.

– Нет. А что?

– Ничего. Просто. Спрашиваю.

* * *

Вечером я сижу на подоконнике в своей комнате, свесив одну ногу вниз, и смотрю на белую машину Марка под ок-

нами. Ночная парковка пустая, только она и фонарь. Дождь барабанит по капоту.

«Золотой состав» не умолкает. Марк присылает голосовое на минуту, где сначала долго ржёт, а потом говорит: «Воронов, весь универ ищет этого «А.». Кира говорит, девочки уже составляют таблицу подозреваемых. Я поставил на тебя, брат. Не подведи». Кира ставит под ним три смеющихся смайлика. Ян, как всегда, молчит. Но через минуту в личку от него приходит одно слово: «Нормально?»

Ян – единственный, кто всегда спрашивает. И единственный, кому я никогда не вру.

«Нет», – пишу я. И больше ничего.

«Понял», – отвечает Ян. И тоже больше ничего. Но мне становится легче.

Щелчок. Огонёк. Щелчок. Темнота.

Под постом «А.» сто сорок комментариев. Под постом Тима сто восемьдесят. Я обновляю страницу каждые пять минут, как больной, который проверяет температуру.

На экране висит черновик письма. Я написал его два часа назад. «Полночь, ты видела? Это было моё письмо. Мне не страшно, что знают. Мне страшно, что тебе теперь стыдно за свой ответ». Стёр. Написал снова. Стёр.

Каждое слово, которое я ей напишу, может завтра оказаться на экране у всего университета. Под буквой «А.». С новыми комментариями. Ближе к двумстам.

Без двадцати два телефон вспыхивает. Уведомление от

сайта «Полночи». Не письмо. Анонс.

«Внеочередной эфир. Сейчас».

Я не помню, как вставляю наушник в ухо.

Музыка. Тихая, медленная, с виолончелью. Я знаю эту музыку. Она играет перед каждым эфиром. А потом музыка затихает, и в наступившей тишине слышно, как кто-то по ту сторону делает вдох.

– Добрый вечер или доброй ночи, – говорит голос. Мой голос. Тот, под который я засыпаю. – С вами «Полночь». Сегодня не пятница, я знаю. Но я не могла ждать.

Я закрываю глаза и прислоняюсь затылком к холодному стеклу.

Палец висит над кнопкой «отправить». Висит. Висит.

Телефон вибрирует в руке. Неизвестный номер. Тот самый, что утром прислал мне ссылку на «Эхо».

Пять слова.

«Не ищи. Будет только хуже».

Я смотрю на них, пока экран не гаснет. И в темноте, в наушнике, её голос говорит то, что я буду помнить ещё очень долго:

– Если вам сейчас страшно, я здесь. Я никуда не денусь.

Глава 5

Артем.

Пары заканчиваются в два, и ровно в 14:07 я уже стою перед дверью Тима. Не помню, как добрался: кажется, половину дороги бежал.

Тим живёт в соседнем корпусе общаги, на третьем этаже, в комнате на двоих. Сосед почти не появляется, потому что ночует у девчонки с юрфака, так что комната фактически принадлежит брату: кровать, стол, два монитора, провода, как лианы в джунглях, и энергетики. Много энергетиков. Я насчитываю одиннадцать банок и перестаю считать, чтобы не расстраиваться.

- Живой? - спрашиваю с порога.

- Условно, - отвечает Тим из-за ноутбука.

Девятнадцать лет, а выглядит так, будто ему сорок и он только что узнал про налоги. Волосы торчат, под глазами синяки, футболка надета наизнанку. Когда он видит меня, крышка ноутбука захлопывается так быстро, что я успеваю заметить только чёрный экран с зелёными строчками.

- Курсовая? - киваю на ноутбук.

- Ага. По программированию. Ничего интересного.

Он врёт. Я знаю это так же точно, как знаю, что у него дрожат пальцы, когда он врёт. Но давить не буду. Тим как кот: надавишь, и сбежит под кровать.

Достаю из рюкзака контейнер. Еда - единственное, на чём держится дипломатия между мной и младшим братом.

- Ешь.

- Не хочу.

- Тим.

- Артём.

- Там котлеты. Мамины, из морозилки. Я стащил их в прошлые выходные.

Он коротко фыркает, берёт вилку и ковыряет котлету. Хороший знак. Пока он жуёт, я стараюсь не думать, что за две недели его комната превратилась в бункер: шторы задёрнуты, свет выключен, а на подоконнике стоит нетронутая кружка с давно остывшим чаем.

- Покажи, - прошу я.

Он понимает без объяснений. Достаёт телефон и открывает «Эхо»: белый фон, чёрные заголовки. И среди них мой брат в виде одной строчки: «Первокурсник тайно влюблён в того, кого нельзя. Что стоит на кону у преподавателя с факультета…..: «Мы видимся только ночью, как воры». Т.»

Одна буква. Под ней счётчик: сто семьдесят три комментария.

- Двести - это когда имя, да? - тихо спрашивает Тим.

- Да.

- Это не случится. Это же…

- Эй. - Я забираю у него телефон. - Давай я почитаю тебе комментарии. Вслух.

- Зачем?

- Чтобы ты увидел, что это просто люди. Скучающие люди с клавиатурами.

Листаю. «Т.? Наверняка Тимур с физмата!» «Нет, Тимофей с архитектуры, он вчера странно себя вёл». «А я думаю, Тарас с третьего курса». «Девчонки, а кто она? Ставлю на преподавательницу, ха-ха».

Последнее заставляет Тима дёрнуться, и я, конечно, это замечаю.

- Ха-ха, - глухо повторяет он. - Смешно.

- Тим.

- Что?

- Кто она?

- Не скажу.

- Я её знаю?

- Нет. И не узнаешь. - Он поднимает глаза, и мне становится не по себе: в них такая тоска, какой не должно быть у человека, который только начал жить. - Если её имя всплывёт, её могут уволить, Артём.

- Уволить?

- Я имею в виду… она подрабатывает. В кафе. Ей важно, чтобы никто… — Он замолкает и сжимает кулаки. - Я не хочу об этом говорить.

Я киваю. «Подрабатывает в кафе». Что-то в этой фразе царапает, как неровно приклеенный стикер, но я не успеваю понять что: на экране телефона высвечивается «Папа».

Мы с Тимом вздрагиваем одновременно.

- Артём, - без приветствия говорит отец, - мне звонил ректор. Университет гудит уже вторую неделю. Кто-то выкладывает в сеть чужие секреты, и среди этих людей могут оказаться дети тех, кто финансирует этот вуз. Если среди них окажется кто-то из нашей семьи…

- Я разбираюсь.

- Не на словах.

- Я разбираюсь, — повторяю я жёстче.

Короткие гудки. Отец никогда не прощается. Говорит, что это пустая трата времени.

Тим смотрит на меня. Он слышал каждое слово: в комнате слишком тихо. Лицо у него бледное, как простыня.

- Он знает про письмо?

- Нет. И не узнает.

- А если…

- Не узнает, Тим.

Он кивает. Я встаю, треплю его по макушке, как в детстве, и уже у двери слышу:

- Артём. А у тебя всё нормально? Тебе никто ничего… не писал?

Я оборачиваюсь. Тим не смотрит на меня. Он смотрит в телефон, который держит двумя руками, будто тот обжигает.

- Нет. А что?

- Просто. Спрашиваю.

Какой неловкий, измученный вопрос. Я бы надавил, если

бы не тот взгляд.

Выхожу в коридор, и телефон снова вибрирует. Сообщение с того же неизвестного номера, который утром предупредил меня про «Эхо». Всего пять слов:

«Не ищи. Сделаешь только хуже».

Перечитываю их раз пять и усмехаюсь. Кто-то очень не хочет, чтобы я копал. Значит, я копаю в правильном месте.

Тим живёт в соседнем корпусе, в комнате на двоих. Сосед почти не появляется, ночует у девчонки с юрфака, так что комната фактически принадлежит брату. Кровать, стол, два монитора, провода, как лианы в джунглях. И энергетики. Я насчитываю одиннадцать банок и перестаю считать, чтобы не расстраиваться.

– Живой? – спрашиваю с порога.

– Условно, – отвечает Тим из-за ноутбука.

Девятнадцать лет, а выглядит так, будто ему сорок и он только что узнал про налоги. Волосы торчат, под глазами синяки, футболка надета наизнанку. Когда он видит меня, крышка ноутбука захлопывается так быстро, что я успеваю заметить только чёрный экран с зелёными строчками.

– Курсовая? – киваю на ноутбук.

– Ага. По программированию.

Он врёт. Я знаю это так же точно, как знаю, что у него дрожат пальцы, когда он врёт. Но давить не буду. Тим как кот: надавишь, и сбежит под кровать.

Я достаю из рюкзака контейнер.

– Ешь.

– Не хочу.

– Тим. Там котлеты. Ларисы.

Он вздрагивает. Поднимает на меня глаза.

– Откуда?

– Из морозилки. Домработница делает их для нас пока отца нет дома. Я забрал в прошлые выходные, когда заезжал за документами.

Тим берёт вилку. Ковыряет. Ест. Хороший знак. Пока он жуёт, я стараюсь не думать о том, что за неделю его комната превратилась в бункер. Шторы задёрнуты, свет выключен, на подоконнике кружка с давно остывшим чаем.

– Покажи, – прошу я.

Он понимает без объяснений. Открывает «Эхо». «Первокурсник тайно влюблён: «Мы видимся только ночью, как воры». Т.»

Сто семьдесят три комментария.

– Двести – это когда имя, да? – тихо спрашивает Тим.

– Да.

– А если…

– Эй. – Я забираю у него телефон. – Давай я тебе почитаю. Вслух.

– Зачем?

– Чтобы ты увидел, что это просто люди. Скучающие люди с клавиатурами.

Я листаю. «Т.? Тимур с физмата!» «Нет, Тимофей с архи-

тектуры, он вчера странно себя вёл». «А я думаю, Тарас с третьего курса». «Девочки, а кто ОНА? Ставлю на преподавательницу, ха-ха».

Тим дёргается так, будто его ударили током.

– Ха-ха, – глухо повторяет он. – Смешно.

– Тим. Кто она?

– Не скажу.

– Я её знаю?

– Нет. И не узнаешь. – Он поднимает глаза, и мне становится не по себе. В них такая тоска, какой не бывает у людей, которые только начали жить. –Если её имя всплывёт, её могут уволить.

– Уволить?

– Она… подрабатывает. В кафе. Ей важно, чтобы никто… – Он замолкает. Сжимает кулаки. – Я не хочу об этом говорить.

«Подрабатывает в кафе». Что-то в этой фразе царапает, как неровно приклеенный стикер. Но я не успеваю понять что. На экране высвечивается «Отец».

Мы с Тимом вздрагиваем одновременно. Как в детстве, когда в замке поворачивался ключ.

– Артём, – без приветствия говорит отец. – Мне звонил ректор. Университет гудит. Кто-то выкладывает в сеть чужие секреты, и среди этих людей могут оказаться дети тех, кто финансирует этот вуз. Если среди них окажется кто-то из нашей семьи…

– Я разбираюсь.

– Ты? – Короткая пауза, в которую помещается всё его презрение. – Ты полгода разбираешься со своей жизнью. Как успехи? Ещё не надоело мыться в общей душевой?

– Это всё?

– Нет. Ты знаешь, где твой дом. Двери открыты. Пока открыты.

Короткие гудки. Отец никогда не прощается. Говорит, что это пустая трата времени.

Тим смотрит на меня. Лицо бледное, как простыня.

– Он знает про письмо?

– Нет. И не узнает.

– Артём, а если…

– Не узнает, Тим.

Я встаю, треплю его по макушке, как в детстве. Он не уворачивается. Это пугает больше всего.

Уже у двери слышу:

– Артём. А у тебя всё нормально? Тебе никто ничего… не писал?

Я оборачиваюсь. Тим не смотрит на меня. Он смотрит в телефон, который держит двумя руками, будто тот обжигает.

– Нет. А что?

– Ничего. Просто. Спрашиваю.

* * *

Вечером я сижу на подоконнике в своей комнате, свесив одну ногу вниз, и смотрю на белую машину Марка под ок-

нами. Ночная парковка пустая, только она и фонарь. Дождь барабанит по капоту.

«Золотой состав» не умолкает. Марк присылает голосовое на минуту, где сначала долго ржёт, а потом говорит: «Воронов, весь универ ищет этого «А.». Кира говорит, девочки уже составляют таблицу подозреваемых. Я поставил на тебя, брат. Не подведи». Кира ставит под ним три смеющихся смайлика. Ян, как всегда, молчит. Но через минуту в личку от него приходит одно слово: «Нормально?»

Ян – единственный, кто всегда спрашивает. И единственный, кому я никогда не вру.

«Нет», – пишу я. И больше ничего.

«Понял», – отвечает Ян. И тоже больше ничего. Но мне становится легче.

Щелчок. Огонёк. Щелчок. Темнота.

Под постом «А.» сто сорок комментариев. Под постом Тима сто восемьдесят. Я обновляю страницу каждые пять минут, как больной, который проверяет температуру.

На экране висит черновик письма. Я написал его два часа назад. «Полночь, ты видела? Это было моё письмо. Мне не страшно, что знают. Мне страшно, что тебе теперь стыдно за свой ответ». Стёр. Написал снова. Стёр.

Каждое слово, которое я ей напишу, может завтра оказаться на экране у всего университета. Под буквой «А.». С новыми комментариями. Ближе к двумстам.

Без двадцати два телефон вспыхивает. Уведомление от

сайта «Полночи». Не письмо. Анонс.

«Внеочередной эфир. Сейчас».

Я не помню, как вставляю наушник в ухо.

Музыка. Тихая, медленная, с виолончелью. Я знаю эту музыку. Она играет перед каждым эфиром. А потом музыка затихает, и в наступившей тишине слышно, как кто-то по ту сторону делает вдох.

– Добрый вечер или доброй ночи, – говорит голос. Мой голос. Тот, под который я засыпаю. – С вами «Полночь». Сегодня не пятница, я знаю. Но я не могла ждать.

Я закрываю глаза и прислоняюсь затылком к холодному стеклу.

Палец висит над кнопкой «отправить». Висит. Висит.

Телефон вибрирует в руке. Неизвестный номер. Тот самый, что утром прислал мне ссылку на «Эхо».

Пять слова.

«Не ищи. Будет только хуже».

Я смотрю на них, пока экран не гаснет. И в темноте, в наушнике, её голос говорит то, что я буду помнить ещё очень долго:

– Если вам сейчас страшно, я здесь. Я никуда не денусь.

Глава 6

Вера. Есть вещи, которые я делаю не думая. Натягиваю рукава свитера на ладони, когда нервничаю. Пересчитываю ступеньки, когда поднимаюсь в студию: их пятьдесят две. И никогда, ни при каких обстоятельствах не выпускаю из рук свой блокнот.

Блокнот у меня самый обычный: чёрный, в клетку, с загнутыми углами. В нём темы эфиров, обрывки фраз, ответы, которые приходят мне в голову в автобусе или на парах. Всё, что потом звучит голосом Полночи, сначала рождается здесь. Если кто-то его откроет, ему хватит двух страниц, чтобы всё понять.

Поэтому я ношу его с собой. Всегда.

- Глеб спал, - докладывает Дана, падая на диван в студии. - Я пришла с пиццей, а он спал. В носках с Чебурашкой. На клавиатуре.

- И ты его не разбудила?

- Я съела пиццу. Половину. - Она гордо поднимает палец. - А потом заглянула в его ноутбук.

- Дана!

- Для науки! - Она достаёт телефон и показывает мне фотографию экрана: столбики цифр, даты, время. - Это журнал входов в админку. Смотри сюда. Позавчера, три двенадцать ночи. Вход в базу отправителей.

- В три двенадцать я была в эфире.

- Вот именно. Ты была в эфире, я была за пультом, а Глеб, если верить его сторис, сидел в Казани у бабушки.

Я смотрю на цифры, и у меня холодеют пальцы. Значит, это не кто-то из нас троих. Значит, кто-то чужой ходит по нашему сайту, как у себя дома. Пока я читаю чужие признания и обещаю «никаких имён», этот кто-то сидит в темноте и записывает.

- Нужно сказать Глебу, - говорю я.

- Скажем. Но сначала, - Дана вдруг ухмыляется так, что мне становится не по себе, - тебе нужно узнать новость. Глеб утвердил новый подкаст. Про спорт. И назначил тебе стажёра.

- Мне?

- «Как самой опытной ведущей». И как человеку, который «найдёт общий язык с кем угодно». Цитата.

- С кем угодно, - повторяю я. И уже знаю ответ. Чувствую его кожей, как перемену погоды. - Только не говори…

В дверь стучат. Три раза, уверенно и неторопливо. Так стучат люди, которые с рождения знают, что им откроют.

- Привет, наставник, - говорит Артём, появляясь на пороге с двумя стаканами кофе.

Дана давится энергетиком. Я закрываю глаза и считаю до пяти.

«Ночью он стоял в коридоре с зажигалкой и говорил, что не умеет спать. А сейчас улыбается так, будто ночи не было».

Может, и не было. Может, мне приснилось. В четыре утра многое кажется не тем, чем является.

- Это тебе. - Он ставит один стакан передо мной. - С корицей. Ты такой пила в столовой.

- Ты следишь за тем, что я пью?

- Я наблюдательный.

- Это называется по-другому.

- Да? И как же?

- Сталкинг.

Он смеётся и садится на вращающийся стул у пульта. Студия у нас маленькая, а с его появлением становится ещё меньше: колени почти касаются моих, а от его рубашки пахнет чем-то тёмным и древесным, совершенно неподходящим для девяти утра. Я впервые разглядываю его так близко и при дневном свете. И злюсь на себя за то, что разглядываю. Тёмные волосы падают на лоб, будто он причёсывался пальцами на бегу. Левую бровь пересекает тонкий белый шрам, раньше я его не замечала. Глаза тёмные, почти чёрные, но когда на них падает свет из окна, в глубине вспыхивает что-то тёплое, янтарное, как чай в стакане на солнце. И руки. Я почему-то смотрю на его руки: большие, с длинными пальцами и жёсткими мозолями у основания. Руки человека, который чем-то долго и упорно занимался. Не руки мажора. «Ты пялишься, Лисицына. Прекрати немедленно». Я перевожу взгляд на пульт. Но успеваю заметить, как он улыбается. Только правой стороной рта, и на правой щеке на секун-

ду появляется ямочка. Одна. Будто вторая ещё не решила, стоит ли мне доверять.

Дана с видом абсолютной невинности собирает вещи.

- Я пойду. У меня… пара. По… чему-нибудь.

- Дана, - угрожающе говорю я.

- Удачи! - И дверь захлопывается.

Мы остаёмся вдвоём. Кофе пахнет корицей. Пульт мигает зелёными огоньками. И мне вдруг становится очень сложно вспомнить, что я должна делать дальше.

- Значит, так, - начинаю я голосом, которым обычно разговариваю с первокурсниками на практике. - Первое правило: микрофон не прощает вранья. Можешь врать мне, Глебу, своим родителям, но если соврёшь в микрофон, слушатель это услышит. Не сразу. Но услышит.

- Звучит как личный опыт.

- Звучит как правило. - Я включаю микрофон и разворачиваю его к нему. - Скажи что-нибудь правдивое. Одну вещь. Про спорт, раз уж у тебя подкаст про спорт.

Он смотрит на микрофон так, будто тот может укусить. Потом наклоняется к нему.

- Я терпеть не могу спорт.

Я поднимаю брови. Он продолжает, и голос у него становится другим. Ниже. Медленнее.

- Восемь лет я занимался греблей. Вставал в пять утра, зимой, в темноте. Руки в мозолях, спина в огне. И медали мне были не нужны. Мне нравилось одно: когда гребёшь, нель-

зя думать. Только вдох, выдох, вода. Голова пустая. Это лучшее, что со мной было.

- Почему бросил?

Он не отвечает. Смотрит на меня, и я вдруг понимаю, что задала вопрос, на который нет безопасного ответа. Я знаю, как выглядят такие вопросы. Сама ношу их в карманах.

- Ладно, - говорю я тише. - Это было правдиво. Засчитано.

- А теперь ты.

- Что я?

- Одну правдивую вещь. В микрофон.

- Я наставник. Наставники не сдают экзамены.

- Нечестно.

- Жизнь вообще нечестная.

Он усмехается и тянется к пульту, будто чтобы рассмотреть фейдеры. А на самом деле к моему блокноту, который лежит у клавиатуры. Двумя пальцами поддевает обложку.

- А это что? Конспекты великой ведущей? Давай посмотрим, что ты пишешь, когда никто не…

Я не помню, как вскакиваю. Помню только, что блокнот уже у меня в руках, прижат к груди так сильно, что углы впиваются в рёбра, а стул отъехал к стене.

- Не трогай, - говорю я. Голос чужой, высокий, как у девочки. - Никогда. Не трогай мои вещи.

Тишина. Только гудит пульт.

Артём медленно поднимает ладони. Улыбки на его лице нет. Он смотрит не на блокнот, а на мои руки. И я тоже смот-

рю на них и вижу, что они трясутся.

«Тебе двадцать один год, Лисицына. Это просто парень. Это просто шутка. Никто не будет читать вслух».

Но тело словам не верит. Тело помнит класс, хохот и то, как горели уши.

- Прости, - говорит он. Без шутки, без «я же просто». Тихо и серьёзно. - Я не знал.

- Ты и не мог знать.

- Но мог не лезть.

Я сажусь обратно. Кладу блокнот на колени и накрываю ладонью. Мне стыдно. Не за то, что накричала, а за то, что он это видел. За то, что под всеми моими колючками, оказывается, лежит что-то настолько мягкое, что его можно раздавить двумя пальцами.

Мы молчим. Долго. Я жду, что он уйдёт: так поступают нормальные люди, когда рядом кто-то устраивает истерику из-за блокнота. Но он не уходит. Берёт свой стакан, делает глоток и морщится.

- У тебя кофе вкуснее, - говорит он. - С корицей. Можно попробовать?

Я смотрю на него. Он на меня. И протягивает свой стакан в обмен на мой, как будто ничего не случилось. Как будто дать мне время снова стать колючей - самое обычное дело.

- Это нечестный обмен, - говорю я, но стакан всё-таки отдаю. - Твой отвратительный.

- Знаю. Поэтому и меняюсь.

Я смеюсь. Сквозь ком в горле, но смеюсь. И вдруг понимаю, что он только что сделал. Не стал жалеть. Не стал расспрашивать. Не сделал вид, что ничего не было, но и не превратил это в событие. Просто поменялся со мной кофе, будто это самое естественное, что можно сделать с девушкой, у которой трясутся руки. Шесть лет я была уверена: если кто-нибудь увидит меня такой, он рассмеётся. А он предложил мне свой отвратительный кофе. Где-то под рёбрами становится тепло и тесно. Я не знаю, что с этим делать.

Остаток часа мы работаем. Правда работаем: я показываю, как держать дистанцию до микрофона, как дышать, чтобы не пыхтеть в эфир, как делать паузу, чтобы слушатель успел соскучиться. Он схватывает с полуслова. И голос у него… Я никогда ему этого не скажу, но голос у него создан для ночного эфира. Низкий, медленный, с едва слышной хрипотцой, от которой по спине бегут мурашки.

Уже на пороге он оборачивается.

- В субботу у моего друга день рождения. Я сказал, что приду с плюс один.

- Поздравляю твоего друга.

- Плюс один - это ты.

- Нет.

- Я так и думал. - Он кивает, будто я сказала что-то ожидаемое и вполне приятное. - Тогда завтра спрошу снова.

- Ответ будет тот же.

- Посмотрим.

Дверь закрывается. Я сижу, прижимая к себе блокнот, и смотрю на стакан с его отвратительным кофе. На крышке след его губ.

Я его не пью. Но и не выбрасываю.

Глава 7

Вера. Он спрашивает снова. В четверг вечером у раковины, с зубной щёткой во рту, так что вопрос звучит как «пофоли фо мной в фуботу». В пятницу днём в столовой, проходя мимо моего стола и даже не останавливаясь. А в пятницу вечером под моей дверью лежит записка: «Вопрос всё тот же. Отвечать не обязательно, я просто проверяю, работает ли почта».

Я храню записку в блокноте. Между страницами с темами эфиров. Не спрашивайте зачем. Я и сама не знаю.

В студии пахнет пылью, остывшим кофе и проводами. Мой запах. Я надеваю наушники, Дана за стеклом поднимает руку и начинает обратный отсчёт: три, два, один.

Красная лампочка.

Пятница. Ровно неделя с того эфира, после которого всё началось. Семь дней, за которые «Эхо» выложило ещё сорок заголовков, а у меня появилось ощущение, что я хожу по университету голая.

- Добрый вечер или доброй ночи. С вами «Полночь», и я, как всегда, не назову ни одного имени.

Я всю неделю думала, что скажу. Писала в блокноте, зачёркивала, писала снова. В итоге вырвала страницу и пришла без неё.

- Но сегодня я начну не с ваших писем, а со своего. Вы

знаете про «Эхо». Знаете про счётчик. Я не знаю, кто стоит за этим аккаунтом. Но я знаю, как это бывает, когда слова, написанные для одного человека, читают все. Когда ты стоишь посреди толпы, а она смеётся.

Голос предательски дрожит, и я делаю паузу. Обычно это приём: пауза, чтобы слушатель успел соскучиться. Сейчас мне просто нужно вдохнуть.

- Каждый ваш комментарий под чужой тайной - это ещё один шаг к чьему-то имени. Не делайте этот шаг. Не гадайте. Не ставьте плюсы. Пусть эти двести никогда не наберутся. Я прошу вас как человек, которому вы доверяли. И которому, надеюсь, ещё доверяете.

Тишина. Слышно, как дышит пульт. Дана за стеклом показывает мне большой палец, а глаза у неё мокрые.

Я беру первое письмо, и мне становится легче. Письма - это то, что я умею. За неделю их пришло сто сорок два. Больше, чем когда-либо. Люди боятся «Эха», но всё равно пишут. Наверное, потому что молчать ещё страшнее.

Девушка с биофака. Впервые попросила своего парня остановиться, просто чтобы перевести дыхание, и он остановился. Сразу, без обиды. А потом обнимал её до утра, и это оказалось ближе всего, что между ними было раньше. «Это нормально, - спрашивает она, - что самое интимное в моей жизни - это когда ничего не случилось?»

- Нормально, - отвечаю я, и голос сам опускается на привычные полтона. - Близость - это не то, как далеко вы зашли.

Это то, насколько безопасно было остановиться. Береги его.

Парень с архитектурного. Полгода оставляет записки в библиотечных книгах, которые берёт девушка из соседнего общежития. Она их находит. Иногда отвечает карандашом на полях. Они ни разу не разговаривали вживую. «Если я подойду, всё сломается?»

- Может, и сломается, - говорю я честно. - А может, начнётся. Записки - это красиво. Но однажды тебе захочется услышать, как она смеётся. Не на полях. Рядом.

Пара, которая вместе три года. «Мы до сих пор не знаем, что нравится другому. Стесняемся спросить. Как начать говорить о том, чего хочется, если всю жизнь об этом молчали?»

Я долго смотрю на это письмо. Оно про меня, хотя у меня никого нет.

- Начните с малого, - говорю я наконец. - Скажите друг другу одно «да» и одно «нет». Шёпотом. В темноте. Это не стыдно. Стыдно всю жизнь угадывать.

И последнее письмо. Я узнаю его ещё до того, как вижу подпись: в нём нет ни одного смайлика, и оно заканчивается вопросом.

- Орфей пишет, - говорю я в микрофон, и сердце, предатель, отзывается лишним ударом. - «Полночь, вчера я впервые за два месяца уснул без наушников. Без тебя. Кажется, я должен радоваться. А мне почему-то страшно. Как думаешь, можно привыкнуть к голосу так, что без него становит-

ся тихо? И что делать, если тишина вдруг перестала пугать? Орфей».

Я молчу дольше, чем положено в эфире.

- Орфей, - говорю наконец. - Если ты уснул без меня, значит, рядом оказался кто-то, при ком тишина не страшная. Не бойся этого. Таких людей мало. Иногда за всю жизнь - один. - Я сглатываю. - А я никуда не денусь. Просто, может быть, теперь буду не колыбельной. А разговором.

«Почему я сейчас думаю о стакане с отвратительным кофе, который третий день стоит у меня на подоконнике?»

Эфир заканчивается в четыре. Я открываю «Эхо» и почти не дышу. Под постом «А.» сто девяносто семь комментариев. Под постом про тайно влюблённого первокурсника сто восемьдесят девять. С понедельника он подписан уже двумя буквами: «Т. В.». Последний час счётчики стояли как вкопанные.

А потом под «А.» появляется новый комментарий от какого-то первокурсника. Одно слово: «Молчим».

Сто девяносто восемь.

Через минуту ещё один, от кого-то с юрфака: «Ты что творишь, это же тоже считается!!!»

Сто девяносто девять.

Я закрываю ноутбук. Руки ледяные. Одна буква. Один комментарий. Один человек, который не удержится.

Дана обнимает меня со спины и долго ничего не говорит.

* * *

Мама звонит в субботу в одиннадцать утра, как всегда, после ночной смены. Я слышу по голосу, что она ещё в больничной форме и пьёт чай из своей кружки с отбитой ручкой. Эту кружку ей тридцать лет предлагают выкинуть, и тридцать лет она отказывается.

- Ты поела?

- Поела.

- Врёшь.

Это у нас семейное.

- Мам, меня позвали на день рождения.

Пауза. Короткая, но я её слышу.

- Кто?

- Сосед.

- Красивый?

- Мама!

- Значит, красивый. - В трубке звякает ложка. - Иди.

- Я ещё не решила.

- Вер. - Голос у неё вдруг становится тихим, таким, каким он был, когда мне было пятнадцать и я неделю не выходила из комнаты. - Ты с девятого класса не ходишь даже на дискотеки. Всё работаешь, всё пишешь в свои тетрадки. Не все смеются, доченька. Правда. Не все.

Я молчу. Смотрю в окно, на мокрые крыши. Глаза щиплет.

- Я знаю, мам.

- Знать мало. Надо проверить.

Через час ко мне врывается Дана с платьем на вешалке, косметичкой и выражением лица полководца перед штурмом.

- Ты идёшь.

- Я не говорила «да».

- Ты сказала «да» вчера в эфире. Про человека, при котором тишина не страшная. Просто сама этого не заметила.

- Это было для Орфея.

- Угу. - Дана раскладывает на кровати свои кисточки. - Садись.

Платье тёмно-зелёное, на тонких бретелях, Дана выпросила его у соседки. Я смотрю на него с ужасом и с чем-то ещё, чему не хочу давать названия.

Пока Дана колдует над моим лицом, она болтает о чём угодно: о новой серии, о Глебе, о том, что Глеб опять потерял флешку, и о том, что Глеб сегодня сказал ей…

Кисточка замирает у моей скулы.

- Что он сказал?

- Что я его лучший друг, - ровно отвечает Дана. - Самый лучший. На всём свете.

- Это же хорошо?

- Это приговор, Вер. - Она улыбается, но улыбка выходит кривой. - Закрой глаза. Тушь.

Я закрываю глаза. И впервые думаю о том, что у моей вечно смеющейся подруги тоже есть письмо, которое она никогда никуда не отправит.

К семи я стою перед зеркалом. Волосы распущены и лежат на плечах медной волной. Губы чуть темнее обычного. Платье сидит так, что мне хочется закутаться в плед. И глаза… Глаза у меня сегодня как у Полночи. Как будто она наконец вылезла из студии и посмотрела на мир сама.

- Ты красивая, - без шуток говорит Дана.

- Я выгляжу как человек, который собирается соврать.

- Ты выглядишь как человек, который собирается жить.

В дверь стучат. Три раза, уверенно и неторопливо.

Я открываю. Артём стоит на пороге в чёрной рубашке с расстёгнутым воротом. Он смотрит на меня и молчит. Долго. Ничего не говорит. Не шутит. Просто смотрит, и я вижу, как у него на шее бьётся жилка. Я никогда не видела его таким. Не в мятой футболке у раковины, не в куртке, пропахшей ветром, а вот так: собранным, тёмным и красивым до неприличия. Рубашка обтягивает плечи, широкие, как у человека, который годами тянул на себя тяжёлое весло. Волосы уложены, но одна прядь всё равно упрямо падает на лоб. И пахнет от него не кофе и не общажным мылом, а чем-то холодным, свежим и дорогим. Но смотрю я не на рубашку. Я смотрю ему в глаза. Потому что в них нет ни насмешки, ни привычной игры. Он смотрит на меня так, будто кто-то выключил весь шум вокруг и оставил только это: меня в дверях, в чужом зелёном платье, с распущенными волосами. Мне хочется захлопнуть дверь. Мне хочется, чтобы он никогда не переставал смотреть. Обе мысли одновременно, и от этого кру-

жится голова.

- Ты говорила «нет», - наконец произносит он. Тихо, будто боится спугнуть.

- Я передумала.

- Почему?

- Почта работает, - отвечаю я. - Проверка прошла успешно.

Он улыбается. Не той улыбкой, которой улыбается в столовой. Другой. Медленной, растерянной, одним уголком рта.

- У меня условия, - быстро говорю я, пока не передумала. - Я твой плюс один. Не твоя девушка. Никто не называет меня твоей девушкой. И ты не берёшь меня за руку.

- А если ты возьмёшь?

- Не возьму.

- Посмотрим.

Я беру сумочку. Проверяю телефон, ключи, помаду. И только у лестницы понимаю, что блокнот остался лежать на столе.

Впервые за шесть лет я выхожу из дома без него.

Глава 8

Артем.В субботу в двенадцать дня у моего поста на «Эхе» появляется вторая буква.

«Ночной поклонник ведущей. А. В.»

Я смотрю на экран и не чувствую ничего. Ни страха, ни злости. Так бывает, когда долго ждёшь удара: в момент, когда он наконец прилетает, тело уже устало бояться.

Сто девяносто девять комментариев. Со вчерашней ночи ни одного нового. Весь университет держит палец над кнопкой и не решается нажать. Двухсотый комментарий теперь не просто комментарий. Это выстрел. И никто не хочет быть тем, кто выстрелит первым.

Зато в чате «Вычислим А.» не утихает:

«А. В. и Т. В. Вы видите??? Одна фамилия!»

«Братья?»

«Вороновы?! Да ну, у старшего вообще нет сердца, какой из него ночной поклонник»

«А младший — это который вечно в капюшоне?»

Я закрываю чат. Пальцы сами набирают Тиму: «Видел?»

Ответ приходит через минуту: «Да».

«Держись. Я рядом».

Три точки. Долго, очень долго. Потом: «Я знаю. Прости».

Я смотрю на это «прости» и не понимаю, за что он извиняется. Это не он выложил наши буквы на всеобщее обозре-

ние. Это не он виноват, что у нас одна фамилия.

Через минуту с неизвестного номера, того самого, приходит одно слово: «Прости».

Совпадение. Слишком много людей в этом городе сегодня передо мной извиняются.

* * *

В такси мы молчим. Вера сидит, отвернувшись к окну, и держит руки на коленях. Пустые руки. Я впервые вижу её без блокнота и почему-то не могу перестать на них смотреть: пальцы то сжимаются, то разжимаются, будто ищут, за что ухватиться.

- У тебя открылась вторая буква, - говорит она, не поворачиваясь.

- У меня?

- У «А.». - Она пожимает плечом. - Девочки с журфака уверены, что это ты.

- А ты?

Она наконец смотрит на меня. Долго, оценивающе, как смотрят на подделку, которую выдают за оригинал.

- Ты бы не написал «мне нужно знать, какой у тебя голос утром», - говорит она. - Ты бы написал: «Полночь, ты слишком много болтаешь. Включи лучше музыку».

Я смеюсь. Громко, искренне, так, что водитель косится в зеркало. А внутри всё переворачивается.

«Если бы ты знала, что я пишу. Каждую ночь. Женщине без лица, голосу из наушников. И что рядом с тобой я поче-

му-то вспоминаю этот голос чаще, чем хотел бы. Иногда мне кажется, что я схожу с ума».

- Ты бы стал отрицать, даже если бы это был ты, - говорит она.

- Стал бы.

- Значит, это ты?

- Значит, я бы стал отрицать.

Она фыркает и отворачивается. Но я вижу её отражение в стекле: она улыбается.

* * *

Лофт Марка гудит, как улей. Живая музыка, свечи на подоконниках, терраса, увитая гирляндами. Марк превзошёл себя. Или, как я теперь начинаю подозревать, потратил последние деньги, которых у него нет.

- Воронов! - Он бросается к нам, раскинув руки. - И плюс один! Она существует! Кира, с тебя пять тысяч!

- Вы спорили на меня? - Вера поднимает бровь.

- Мы спорили на то, придёшь ли ты, - невозмутимо поясняет Марк. - Кира ставила, что ты пришлёшь Артёму голосовое с отказом. Матерное.

- Я думала об этом.

- Видишь! Чутьё у неё есть. - Марк церемонно целует ей руку. - Добро пожаловать. Здесь все немного сумасшедшие, но кусается только Кира.

Кира не заставляет себя ждать. Платье цвета шампанского, бокал в руке, улыбка как у кошки, которая уже придума-

ла, что сделает с мышью.

- Привет. Мы виделись в кофейне. Ты была в такой интересной толстовке.

- Помню, - спокойно отвечает Вера. - А ты был в таком интересном настроении. Как сейчас.

Кира моргает. Один раз. Для Киры это равносильно нокдауну.

- Один-ноль, - говорит она и отпивает из бокала. Без улыбки. Но в её взгляде появляется что-то, чего я там давно не видел. Интерес.

Вечер раскручивается сам собой. Я теряю Веру из виду минут на двадцать: Марк утаскивает меня к гостям, кто-то из бывших одногруппников рассказывает про свой стартап, я киваю и не слушаю. А когда наконец её нахожу, она сидит на лестнице, ведущей на антресоль. Рядом с Марком.

Марк не шутит. Это первое, что я замечаю. Он говорит тихо, глядя в свой бокал, а Вера слушает. Не кивает, не перебивает, не делает сочувственное лицо. Просто слушает, повернувшись к нему всем телом, и в этом есть что-то такое, от чего у меня перехватывает горло. Как будто вокруг них нет ни музыки, ни людей. Только он и человек, которому можно сказать.

Я знаю Марка пять лет. Я ни разу не видел, чтобы он с кем-то так разговаривал.

Через десять минут он подходит ко мне. Глаза у него странно блестят.

- Слушай, - говорит он, не глядя на меня. - Ресторан на Набережной закрывается. И тот, что на Садовой, тоже. Отец продаёт всё, что можно продать. Я хотел вам сказать. Давно хотел.

- Марк…

- Я сказал ей. - Он кивает в сторону лестницы. - Сам не знаю почему. Она просто спросила, почему у меня на дне рождения столько свечей и ни одной лампы. И я… сказал. - Он нервно усмехается. - Я ей рассказал то, что вам год не мог рассказать. Как она это делает?

Я смотрю на Веру. Она сидит на ступеньках, обхватив колени, и смотрит в окно. Без блокнота, без рукавов, без привычных колючек. Просто девушка в зелёном платье, рядом с которой людям вдруг хочется говорить правду.

Что-то шевелится в памяти. Голос. Тёплый, с хрипотцой, который отвечает на чужие письма так, будто сидит с тобой на одной кухне.

Я отмахиваюсь от этой мысли. Совпадение. Просто сегодня я слишком много думаю о голосах.

- Не знаю, - честно отвечаю я Марку. - Но мы разберёмся. С рестораном. Вместе.

Он кивает и стискивает моё плечо. Ян, проходя мимо, без слов сжимает другое.

- Артём.

Этот голос я узнал бы в любом шуме. Ровный, мягкий, с идеальной дикцией, как у дикторов на центральных каналах.

Голос, который три месяца назад сказал мне: «Ты пожалеешь».

Алиса стоит в двух шагах от меня. Белое платье, светлые волосы собраны, на губах та самая улыбка, которую так любят фотографы. Она безупречна. Она всегда была безупречна. В этом и была проблема.

- Привет, - говорю я.

- Ты похудел.

- Ты вернулась.

- Я же говорила, что вернусь. - Она делает шаг ближе и поправляет мне воротник рубашки. Привычный, хозяйский жест. Я перехватываю её запястье и мягко убираю руку. Она смотрит на мои пальцы, потом мне в глаза, и улыбка не сходит с её лица ни на миллиметр. - Нервничаешь?

- Нет.

- А зря. У тебя такая интересная неделя. - Она достаёт телефон и разворачивает его ко мне. «Эхо». «А. В.». - Весь город гадает. Ночной поклонник ведущей. Так трогательно. Я бы ни за что не подумала, что ты способен кому-то писать по ночам.

- Это не я.

- Конечно. - Она убирает телефон. - Как Тим?

Я замираю. Тима она видела раз пять за весь год, что мы встречались. И никогда им не интересовалась.

- Нормально.

- Передай ему привет. - Её улыбка становится ещё мягче.

- Скажи, что я о нём помню.

Где-то внутри щёлкает невидимая зажигалка. Огонёк. Темнота. Я не понимаю, что именно меня зацепило, но по спине пробегает холод.

- А это, значит, твоя плюс один? - Алиса переводит взгляд мне за плечо.

Я оборачиваюсь. Вера стоит рядом. Я не слышал, как она подошла.

- Вера, - представляется она.

- Алиса. - Ладонь Алисы касается её ладони на долю секунды. - Как мило. Артём всегда любил… проекты.

- Проекты? - переспрашивает Вера.

- Ну да. Найти кого-то… попроще. И сделать из него человека. Сначала это всегда так трогательно.

Я открываю рот, чтобы ответить, но Вера успевает раньше. Она не повышает голоса. Наоборот, говорит тише, и от этой тишины воздух вокруг нас густеет.

- Знаешь, что я заметила? Люди, которые долго объясняют, кто чей проект, обычно очень боятся, что их самих никто никогда не доделывал.

Алиса перестаёт улыбаться. Впервые за вечер. Впервые, кажется, за всё время, что я её знаю.

- Хорошего вечера, - говорит Вера и уходит к террасе.

Я стою и не могу пошевелиться. Не из-за Алисы. Из-за того, как Вера, уходя, на секунду коснулась моего рукава. Не руки. Рукава. Двумя пальцами, мимолётно, будто проверяла,

на месте ли я.

Формально это не считается.

Я делаю шаг к террасе. Алиса не оборачивается. Только произносит мне в спину, тихо, чтобы никто, кроме меня, не услышал:

- Она знает, почему ты не спишь?

Я не останавливаюсь. Но каждое слово врезается под лопатку, как нож.

Этого не знает никто. Ни Марк, ни Кира. Только Ян. И Алиса, которая однажды проснулась в три часа ночи и увидела меня на подоконнике с зажигалкой в руке. Я тогда рассказал ей всё. Про балкон. Про маму. Про то, почему я не могу засыпать в тишине.

Это была моя самая большая ошибка за тот год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.